

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXV

Ростов
2020

Крестьяне Борисоглебских слобод и округи в маклерских книгах Ростова конца XVIII — первой половины XIX в.

А. Г. Морозов

Поселок Борисоглебский ныне — центр одноименного района Ярославской области. Расположен на реке Устье, в 18 км к северо-западу от Ростова. До 1962 г. носил название Борисоглебские слободы. Селение возникло в средневековье при Ростовском Борисоглебском монастыре. В XVIII—XIX в. — крупное торговое село Ростовского уезда Ярославской губернии, принадлежавшее графам Орловым и Паниным, центр Борисоглебской волости¹.

Маклерские книги города Ростова указанного периода содержат договоры и контракты, сделки, соглашения и условия, где нередко упомянуты крестьяне Борисоглебских слобод и округи. Анализу таких документов посвящена настоящая работа.

Корпус маклерских книг города Ростова в Ростовском филиале Государственного архива Ярославской области располагает массивом ежегодных данных, сохранившихся за максимальный срок, почти без лакун, с 1780-х гг. по 1860-е гг. По своей форме маклерские книги являются рукописными документами, в плотных картонных корках, с корешком из кожи. Размеры — около 22 x 35 см. Бумага довольно плотная, белосерого и светло-синего цвета, имеет водяные знаки. Количество листов в отдельных книгах колеблется от 130 до 290. Книги обычно прошнурованы несколько ниже середины в две веревки. Листы разлинованы, разбиты на таблицы из двух или трех столбцов, где в левом столбце ставились порядковый номер договора и дата регистрации, в среднем столбце размещался текст договора, а в правом, при займах, как правило, сумма кредита. Маклерским книгам Ростова как историческому источнику дана характеристика в докладе на научной конференции «История и культура Ростовской земли» 2017 г.²

Рассмотрим контракты по торговой деятельности. В маклерской книге Ростова 1803—1805 гг. отложился договор о поставке цимлянского

¹ РФ ГАЯО. Ф. 225. Оп. 1. Т. 1. Д. 144. Л. 1—51 об.; РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1257. Л. 1—9; Д. 1258. Л. 1—4 об.; Д. 1261. Л. 2 об.; Д. 1266. Л. 2—5 об.; Д. 1270. Л. 1—6.

² *Морозов А. Г.* Маклерские книги города Ростова конца XVIII — середины XIX в. как исторический источник // История и культура Ростовской земли (далее — ИКРЗ). 2017. Ростов, 2018. С. 175—192.

вина в Санкт-Петербург, заключенный 26 августа 1803 г. — в то время года, когда напиток считался готовым и поступал в продажу. Документ свидетельствует, что угличский купеческий сын Иван Алексеев Брацов подрядился у крестьянина Борисоглебских слобод Ивана Александрова Сулова доставить на собственной своей твердой лодке «по водной коммуникации» товар до Санкт-Петербурга. Таким товаром у Сулова оказалось цимлянское вино. Указаны его количество по накладной — 33 ящика, в которых находилось 2112 бутылок, и вес — двести сорок три пуда. Немалая партия³.

Цимлянское игристое считается самым знаменитым русским вином в мире, ярким и успешным опытом отечественного виноделия. В XVIII в. казаками была придумана собственная технология производства игристых вин. Первая документально зарегистрированная бутылка Цимлянского игристого относится к 1786 г. Именно этим вином была отмечена великая победа русского оружия в Париже в 1814 г.⁴

Отметим, что в документах Московской домового конторы графа В. Г. Орлова конца XVIII — начала XIX в., отложились факты, свидетельствующие, что зажиточные крестьяне его Борисоглебских слобод промышляли куплей-продажей крупных партий вина, причем не розничной, а оптовой: упоминаются Таганрог и Цимла, Макарьевская и Ростовская ярмарки, Москва и Санкт-Петербург⁵.

Итак, Брацов обязался везти товар Сулова в Петербург «со всяким поспешением». В подобных соглашениях всегда оговаривались условия на случаи, когда лодка могла сесть на мель или разбиться о подводные камни и пороги, если возникал пожар и др. Тогда перевозчик со своими работниками был обязан товар спасти: все ящики из воды вытащить, положить в другую лодку и следовать тем же курсом. Если работников в такой экстремальной ситуации не хватало, в обязанность хозяина лодки входило нанять их за свой счет. В договоре нет указания ни на место доставки в определенное место города, ни на конкретное лицо, принимающее товар в Петербурге. Но есть оговорка: сдать его «кому он, Сулов прикажет». За провоз товара Брацов договорился получить с Сулова по 40 копеек с каждого пуда. То есть, доставка такой партии вина в Петербург стоила 97 рублей 20 копеек. В задаток Брацов получил при заключении договора 25 рублей. Остальные деньги он должен был получить в Санкт-Петербурге, при отдаче товара.

Документ свидетельствует, что купеческий сын Иван Брацов был неграмотным. За него, по его личному прошению, расписался угличский

³ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 57 об.

⁴ Цимлянское вино сухое, красное // Istalcogolya, 11 августа 2019. [Электронный ресурс] <https://istalcogolya.com/vino/tsimlyanskoe-vino-suhoe-krasnoe.html> (дата обращения: 2.02.2020).

⁵ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 548. Л. 141; Д. 557. Л. 9, 40–40 об., 57–57 об.

посадский Сергей Заламаев. Здесь же есть дополнение к договору: при его заключении от «хозяина» Суслова перевозчик принял еще товар: 7 ящичков цимлянского вина. За приемку этого дополнительного груза за Брацова расписался уже подканцелярист угличского городского магистрата Михаил Попов.

23 сентября 1803 г. данный контракт был представлен от борисоглебского крестьянина Ивана Александрова Суслова в Ростове у маклерских дел. В маклерскую книгу, под № 117, его записал маклер Алексей Привалов⁶.

По некоторым данным, в XIX в. за бутылку цимлянского вина давали 15 рублей, тогда как крымские вина стоили не более 2 рублей за ведро. Таким образом, борисоглебский крестьянин Суслов поставил в Петербург вина на общую сумму в 31680 рублей. А с дополнительными 7 ящиками — около 40000. Для сравнения: в начале XIX в. купцы 3-й гильдии объявляли капитал в 8000 рублей, 2-й гильдии — 20000, 1-й гильдии — 50000. Деньги весьма приличные.

Другой договор, от 31 декабря 1803 г., свидетельствует, что крестьяне деревни Мусорова Ростовского уезда (вотчины графа Н. П. Шереметева) Федор Борисов Сипин и Алексей Иванов Комков сняли в Новгороде Великом архиерейские яблоневые сады за 1250 рублей, также частный господский в селе Ракуме новгородской округи на 375 рублей. В августе 1804 г. из упомянутых садов только одна партия яблок, через их компаньона, крестьянина Степана Федорова Кручина, поступила для продажи в Петербург и была продана на 1414 рублей. Договор иллюстрирует финансовые отношения между компаньонами. Лишь один из них, Степан Кручин, был грамотным. В мае 1804 г. рассмотренный договор, с изложением по пунктам взаимных обязательств, был представлен в Ростове маклеру Алексею Привалову⁷.

Довольно регулярно в маклерских книгах встречаются договоры, связанные с ростовщицеством. За некоторые годы эти книги включают в себя только договоры по займам денег от 30 до 1000 рублей, в количестве от 100 до 150 за один календарный год. Заем представлял собой такое соглашение двух лиц, по которому одно лицо — веритель или займодавец — обязывался за известное вознаграждение (в редком случае безвозмездно) предоставить другому в собственность какой-либо предмет, определяемый не индивидуально, а мерой, весом или счетом; а другое лицо — должник или заемщик — в известный срок возратить ему такой же предмет, не тот же самый, а того же качества и в том же количестве. Предметом займа, таким образом, могли быть не только деньги, но и другое имущество, например, хлеб, съестные припасы и т.д.⁸

---

⁶ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 57 об.

⁷ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 93–93 об.

⁸ Морозов А. Г. Заемные письма и расписки «под известный процент» в маклерских книгах Ростова конца XVIII — начала XIX в. // Трефолевские чтения. Всероссийская научно-практическая конференция: сборник статей по итогам

Участниками подобных соглашений являлись отдельные ростовские дворяне, купцы и посадские, губернские секретари, протоиерей Успенского собора, крестьяне крупных торговых сел Поречья—Рыбного, Угодич, Борисоглебских слобод. Они выступали и в роли заемщиков, и в роли ростовщиков, иногда по нескольку раз в месяц и год, «за указанный процент». То есть к займам прибегали представители тех же сословий. Значительная часть людей, упомянутых в маклерских книгах в связи с заемными письмами, занималась ростовщицеством на постоянной основе⁹.

В маклерской книге Ростова за 1803—1805 гг. среди соглашений с разными лицами о предоставлении ростовскими торговыми крестьянами займов в виде денег или товаров чаще всего упоминается крестьянин Борисоглебских слобод Иван Ильин Кузнецов.

Только за 1 августа 1803 г. Кузнецов заключил с купцами разных городов на Макарьевской ярмарке два соглашения. В первом из них Кузнецову дал «расписку» нижегородский купец Василий Торсуев. По истечении срока в два месяца и пятнадцать дней он обязался выплатить Кузнецову «по его приказу» ассигнациями государственными банка денег 110 рублей, поскольку получил от него на упомянутую сумму товаром. Судя по второму соглашению, Кузнецов предоставил казанскому купцу Сидору Парфенову Софронову сроком на девять месяцев и пятнадцать дней 310 рублей ассигнациями. Казанский купец был обязан выплатить их Кузнецову в Санкт-Петербурге. 8 августа рассмотренные «расписки» от борисоглебского крестьянина И. И. Кузнецова были явлены в Ростове у маклерских дел и внесены в маклерскую книгу маклером Алексеем Приваловым. Ниже под текстом следует подпись другим почерком: «Подлинные две расписки» принял для передачи крестьянину Ивану Кузнецову ростовский купеческий сын Семен Базаров «в чем и расписался»¹⁰. Таким образом, круг подписантов здесь расширяется.

Несколько «расписок» о предоставлении Иваном Ильиным Кузнецовым займов «под известный процент», явленных им в Ростове у маклерских дел, датируются концом 1804 г. и связаны с Ярославлем. Так, в документе, предоставленном Кузнецову 28 октября 1804 г. ярославским купеческим сыном Андреем Федоровым Кокуевым значится сумма займа в 161 рублей 67 копеек. Кокуев обязался выплатить ее ассигнациями государственного банка в феврале следующего 1805 г., в ростовскую ярмарку. «А буду же не заплачу, то волен Кузнецов просить о поступлении по законам». 7 ноября 1804 г. рассмотренная расписка в маклерской книге под № 216 была зарегистрирована¹¹.

26 ноября 1804 г. Кузнецов в Ярославле предоставил 227 рублей

конференции 29 сентября — 1 октября 2016 г. Ярославль, 2017. С. 175—183.

⁹ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3313. Л. 2, 5, 17—17 об.

¹⁰ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 48 об.

¹¹ Там же. Л. 202 об.

75 копеек ярославскому купцу Якиму Михайлову Шапкину. Срок выплаты здесь также указан — в будущем 1805 г., к ростовской ярмарке. 4 декабря 1804 г. документ был записан в маклерскую книгу¹².

Таким образом, договоры в форме заемных писем и расписок, отложившиеся в маклерских книгах, свидетельствуют, что в Ростове, месте проведения крупной в то время ярмарки, предоставлением займов «под известный процент» занимались представители практически всех сословий. Ростовские «капиталисты» крестьяне вырастали не только на торговле, но и на ростовщичестве. Денежные средства, накопленные в результате ростовщических операций, шли обычно на их дальнейшее расширение или вкладывались в торговлю и промышленное предпринимательство.

В рассматриваемом источнике периодически встречаются договоры на сдачу в аренду крестьянской общиной разным лицам, как правило купцам, торговых площадей непосредственно в Борисоглебских слободах. Так, 30 января 1812 г. серпуховской купец Федор Гаврилов Крашенинников, управляющий по доверенности от содержателя ростовских питейных сборов надворного советника Михаила Николаевича Приклонского с компанией, и бурмистр Борисоглебских слобод Лев Степанов Сахаров с обществом заключили договор, условия которого изложены в тексте в четырех пунктах. Во-первых, Сахаров с обществом отдал Крашенинникову для производства казенной питейной продажи деревянную избу, выстроенную за счет крестьянского общества в упомянутых слободах, близ торговых рядов на принадлежавшей графу земле. Летом наступавшего 1812 г. крестьяне дали обязательство выстроить за свой счет вблизи упомянутой избы каменный флигель из двух покоев. Указаны его внутренние размеры: 6 сажень в длину и 4 в ширину. Под зданием должен был находиться ледник для хранения пива и меда, чтобы в нем помещалось до 20 бочек. В каждом покое флигеля предполагалось сделать по одной печи с чугунными полками, задвижками и прочими принадлежностями. Во-вторых, после постройки флигеля его принимал от Сахарова с обществом по описи сам Крашенинников или его управитель в содержание, до истечения откупа в январе 1815 г. Таким образом, срок действия договора составлял 3 года. Имущество арендатор возвращал в целостности и сохранности, изломанное восстанавливалось и ремонтировалось за его счет. В-третьих, в каменном покое для мелочной торговли предполагалось сделать маркитантскую печку и при ней стол. При пожаре, происшедшем по вине арендатора, постройка восстанавливалась за его счет. В заключительном пункте указано, что за все арендованные строения — деревянную избу и новый каменный флигель — арендатор должен выплачивать бурмистру с обществом по 550 рублей ежегодно, считая с 1 ноября 1811 г. Выплата аренды была разбита по полугодиям. На принятые деньги бурмистр выдавал арендатору расписки. Стороны

---

¹² Там же. Л. 213 об.

договорились содержать условия свято и нерушимо и для верности записать их в маклерскую книгу, подписали документ собственноручно, то есть были грамотными¹³.

О том, что упомянутый каменный флигель в Борисоглебских слободах был построен, свидетельствует арендный договор, заключенный в конце срока действия договора, рассмотренного выше. 30 декабря 1814 г. крестьяне Борисоглебских слобод (вотчины графа В. Г. Орлова) бурмистр Иван Александров Суслов с выборным Василием Алексеевым Терцевым заключили условие с управляющим, содержанием ростовских питейных сборов господином Азаровым производить последнему питейную торговлю в слободах, в расположенном в торговых рядах каменном флигеле, состоявшем из двух покоев. Также указаны размеры здания, с двумя печами. Срок аренды составлял 4 года, по платой 850 рублей ежегодно. В задаток арендодатели получили 400 рублей. Бурмистр Суслов подписал договор собственноручно, то есть был грамотным¹⁴.

Отметим, что следующий в маклерской книге договор, датированный 31 декабря 1814 г., также касается крестьянина Борисоглебских слобод Василия Алексеева Терцева, который в тексте назван управляющим от ростовских питейных сборов. Терцев заключил соглашение с мещанином заштатного города Петровска Ростовского уезда Алексеем Борисовым Кузнецовым. Кузнецов отдал Терцеву в Петровске, в собственном каменном доме, на нижнем этаже два покая, для производства казенной продажи алкогольных напитков. Срок аренды составлял 4 года, с 1 января 1815 г. Арендная плата состояла из ежегодной выплаты в 150 рублей и двух ведер вина. В задаток Кузнецов получил за 1815 г. половину суммы: 75 рублей. Обе стороны были грамотны — подписали договор собственноручно¹⁵.

29 декабря 1822 г. крестьяне Борисоглебских слобод бурмистр Иван Тимофеев Колчин с выборным Александром Никитиным Шошкиным заключили договор с ростовским купцом Василием Михайловым Матвеевским. Условия в документе изложены в десяти пунктах. После разрешения графа на заведение в слободах трактира бурмистр с выборным согласно общему мирскому приговору отдали Матвеевскому принадлежавший крестьянскому обществу каменный флигель с деревянным пристроем. Срок аренды составлял 4 года, с 1 января 1823 г. Арендная плата определена по 3060 рублей за год. Выплата данной суммы была разбита на два срока: первый взнос, 1530 рублей, — 1 января, а второй — через 5 месяцев. При просрочке платежа более месяца Матвеевский был обязан выплатить борисоглебским крестьянам 150 рублей неустойки в течение месяца. В свою очередь крестьяне Борисоглебских слобод дали обязательство Матвеевскому, что сами они подобную трактирную торговлю производить в слободах не будут и посторонним лицам не позволят. Стороны догово-

¹³ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3718. Л. 10 об.—11 об.

¹⁴ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3761. Л. 45—45 об.

¹⁵ Там же. Л. 45 об.

рились производить торговлю честно, по законам. Арендатор обязался содержать флигель в должном порядке, ремонтировать за свой счет. От пожарных случаев Матвеевскому и его работникам предписывалось иметь соответствующий инструмент. Если пожар происходил по вине арендатора, он был обязан восстановить здание полностью. При не зависящих от арендатора обстоятельствах — от молнии или пожара в селе — здание восстанавливалось за счет крестьянского общества. При досрочном расторжении договора по вине общества Матвеевскому выплачивалась денежная компенсация за понесенные издержки. Во время ярмарки арендатор был обязан платить особую плату, по 150 рублей. В тексте подчеркивается, что данная сумма поступала как доход от ярмарки — непосредственно самому «государю-графу». В слободах имелись для приездов людей с экипажами, по торговле и разным случаям, постоянные двory. Матвеевскому, при его желании, крестьянское общество разрешало беспрепятственно заниматься таким делом. Стороны условились содержать условия договора свято и нерушимо. Подлинный контракт оставался в вотчинном правлении, а Матвеевский получил копию с подписями вышеупомянутых лиц. Все участники договора расписались своеручно, были грамотны. После того, как маклер записал текст контракта в книгу, подлинник договора забрал выборный Борисоглебских слобод Иван Васильев Ключников. То есть, круг подписантов и здесь расширяется¹⁶.

Подобным образом сдавались в аренду в Борисоглебских слободах и лавки, принадлежавшие самим крестьянам. Так, 1 января 1803 г. крестьянин Борисоглебских слобод Николай Петров Титов отдал две свои лавки, состоящие в щепетильном ряду «одна подле одной», ростовскому посадскому Петру Васильеву Веденскому ценой за обе по 12 рублей в год. О том, что данные лавки располагались в слободах, говорит размер арендной платы. Лавки в Ростове сдавались в данный период за суммы на порядок больше. Деньги Титов получил за три года вперед, 36 рублей, подписал договор собственноручно, был грамотным. 20 марта 1803 г. документ от посадского Петра Васильева Веденского был представлен в Ростове маклеру Алексею Привалову, записавшего текст в маклерскую книгу¹⁷.

Известно, что в Борисоглебской вотчине графа В. Г. Орлова помимо Борисоглебских слобод в конце XVIII — первой половине XIX в. имелись прекрасные, довольно обширные лесные угодья. В «Книге договоров и сделок между купцами и др. 1792—1796 гг.» отложилось несколько документов, касающихся упомянутого леса. Так, 1 января 1795 г. крестьянин села Поречья-Рыбного графа В. Г. Орлова Козьма Григорьев заключил условие с архимандритом Борисоглебского монастыря Евгением. Текст изложен от лица Козьмы Григорьева, фамилия которого не упомянута. Важно, что в документе указана его должность: «Полесщик». То есть — лесник.

Из текста следует, что Ростовский Борисоглебский монастырь

---

¹⁶ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1144. Л. 9.

¹⁷ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 11.

из принадлежавшей графу В. Г. Орлову подмонастырной роши у Козьмы купил часть леса «на корню». Отмечается, что данный лес — разный по своему качеству: крупный, средний и мелкий. Покупался он для монастырских потребностей. Площадь делянки составляла до 200 сажен в окружности (426 м). То есть это была довольно большая делянка. Указано ее положение на местности: между первой дорогой в роще, болотом и по ростовской дороге. При отводе продаваемого леса вокруг него на крайних деревьях были «положены», установлены особые монастырские знаки.

За проданный лес Козьма Григорьев получил от казначея упомянутого монастыря иеромонаха Мельхиседека при заключении договора 350 рублей «сполна». По условиям сделки Козьма не мог принуждать монастырь к скорой рубке леса, «...терпеть год, два, или доколе продажа роши оной не закончится». При этом отведенный монастырю лес «полесщик» не должен был оставлять без присмотра.

Лишь 19 июля того же 1795 г. стороны явили договор в Ростове, у маклерских дел. Вероятно тогда, когда монастырь начал рубку леса. Договор был внесен в маклерскую книгу под № 69 маклером Алексеем Приваловым. Под текстом стоят подписи монастырского казначея и «полесчика», крестьянина Козьмы, который, как видим, был грамотным¹⁸.

Таким образом, договор свидетельствует о том, что при Борисоглебской вотчине графа В. Г. Орлова в конце XVIII в. имелась должность «полесщика» — лесника, в обязанности которого входило не только непосредственное смотрение за лесными угодьями. Согласно «Уложению» В. Г. Орлова, ранее эти обязанности возлагались непосредственно на вотчинную администрацию Борисоглебских слобод: бурмистра, земских и выборных. Такая должность, скорее всего, была введена в Борисоглебских слободах не «миром», то есть крестьянской общиной, а домовою конторой помещика. Обязанности «полесщика» исполнял не местный, борисоглебский, а порецкий, то есть крестьянин из другой крупной ростовской вотчины Орловых — села Поречья-Рыбного, не имевший местных связей, видимо, — для меньших злоупотреблений. Для ведения операций с продажей леса «полесщики», очевидно, располагали полученными от графа «верующими письмами» или доверенностями¹⁹.

В маклерских книгах отложились договоры аренды крестьян борисоглебской округи на пашенные и сенокосные угодья с разными лицами и монастырем. Так, 10 июня 1810 г. крестьянин села Вошажникова Николай Николаев Яблоков и крестьянин села Вески Андрей Иванов Кокин сдали принадлежавшие им пустоши и записанные на имя графа купленные ими у разных помещиков. Причем Яблокову принадлежали две трети, а Конину — одна треть данных угодий. Арендовали их на срок

¹⁸ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2888. Л. 218.

¹⁹ Морозов А. Г. «Повеления» графа В. Г. Орлова 18 июля 1774 г. о застройке Борисоглебских слобод и об охране леса // Сообщения Ростовского музея (далее — СРМ). Ростов, 2016. Вып. 21. С. 67–70.

12 лет крестьяне деревни Новоселки экономической волости Угличской округи. Всего в числе арендаторов упомянуто шесть крестьян без фамилий.

Ниже в тексте документа излагается порядок расчетов. За первые пять лет арендаторы выплачивали единовременно 125 рублей. Затем ежегодно — по 25 рублей. Отмечается, что часть пустоши уже сдавал ранее в аренду другим лицам брат одного из компаньонов Федор Яблоков. Новые арендаторы не должны были им мешать целых два года, пока у тех не закончится свой срок аренды. Оговаривались обязанности арендаторов расчищать удобные места от поросли кустарников и деревьев.

Николай Яблоков договор подписал «своеручно», то есть был грамотным. Здесь упомянуто лицо, свидетельствовавшее, что пустошь действительно принадлежала Яблокову и Кониному — крестьянин села Вошажниково Федор Кирюсасенков²⁰. Спустя две недели, 16 июня 1810 г. стороны представили договор в Ростове маклеру Алексею Привалову, записавшему текст в маклерскую книгу. Подлинник договора взял себе один из крестьян арендаторов, Иван Алексеев, который был неграмотным. За него расписался ростовский посадский Николай Привалов²¹.

В марте 1811 г. другие крестьяне села Вошажникова, Клепышевы, также сдали в аренду купленные ими пустоши разным крестьянам на 20 лет, по 20 рублей в год. По неграмотности сторон за них расписался ростовский купец Петр Шестаков²².

Отложились в маклерских книгах и договоры на аренду водяных мельниц в Борисоглебской округе. Так, 1 января 1803 г. помещик прапорщик Лев Петрович Савин взял в аренду на 10 лет у крестьян села Андреевского что на Лиге (экономическая Спас-Подгорская вотчина) стоявшую при том селе на реке Лиге ветхую мельницу о двух жерновых поставах и одной толчее. По условиям договора Савин был обязан ее перестроить, за помол брать с крестьян села за каждую четверть ржи по 10 копеек, а за толчение овса — по 40 копеек за каждый вал. Арендная плата выплачивалась ежегодно «на Петров день», по 100 рублей. Выборный от крестьян был неграмотным. За него при подаче договора маклеру в июле того же года расписался служитель или приказчик упомянутого помещика²³.

11 января 1805 г. казначей Ростовского Борисоглебского монастыря монах Афинодор сдал в аренду крестьянину Борисоглебских слобод Андрею Семенову Мельникову монастырскую мельницу при деревне Акулове на реке Устье. Отметим, что в арендных договорах значительное место, как правило, занимает описание сдаваемого имущества. Данная мельница состояла из одной плотины, двух амбаров, мучного помола и толчеи, где имелось по четыре жернова. Срок аренды составлял 10 лет. В подробном договоре, изложенном по пунктам, предусматривались пере-

²⁰ Вариант прочтения фамилии: Кирющенко.

²¹ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3575. Л. 99–99 об.

²² РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3698. Л. 73–73 об.

²³ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 38 об.—39, 80.

стройка и расширение мельничных строений. Арендная плата вносилась ежегодно, по 375 рублей, из которых половина — всегда за полгода вперед. Арендатор Мельников был неграмотным, и за него расписался крестьянин той же слободы Михайло Никитин Пичугин²⁴.

С селом Вошажниковом также связаны договоры на аренду у разных помещиков крестьянами графа Шереметева крепостных людей в качестве рабочей силы для работы в небольших крестьянских кустарных промышленных заведениях. Так, 11 февраля 1812 г. ростовская помещица, коллежская советница Варвара Семеновна Малышкина заключила «условие» с крестьянином графа Д. Н. Шереметева, села Вошажникова, Козьмой Алексеевым Поповым в том, что она отдала Попову «в услужение» и для работы на кожевенном его заводе в селе Вошажниково семь своих крепостных крестьян из ростовского сельца Есеплева. Данные крестьяне перечислены без фамилий. Срок их аренды составлял 2,5 месяца с момента подписания договора, то есть от 11 февраля до 23 апреля 1812 г. За каждого из семи арендованных крестьян Попов обязался заплатить помещице по 35 рублей и по завершении срока действия «условия» вернуть их в упомянутое сельцо²⁵.

Значимыми для истории Борисоглебской земли являются отложившиеся в маклерских книгах договоры и контракты на строительство, отделку и украшение местных храмов. Значительный вклад в их изучение внес историк А. Г. Мельник²⁶. В качестве примеров рассмотрим некоторые из подобных контрактов — на строительство храма, золочение иконостаса, написание икон, изготовление курантов.

Так, 19 сентября 1803 г. староста Иван Иванов с приходскими людьми (помещичье село Ануфриевское с деревнями Березники и Пысково Покровской округи Ростовского уезда) заключил контракт с крестьянином помещичьей деревни Братышино Ярославского уезда Тихоном Григорьевым Катышевым на постройку новой каменной церкви. Материалы предоставлялись строителю от заказчиков. Строительство храма велось бригадой подрядчика из материалов заказчиков «по плану и фасаду»²⁷.

²⁴ Там же. Л. 230 об.—232.

²⁵ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3718. Л. 20 об.

²⁶ Мельник А. Г. К истории каменного церковного приходского строительства в Ростове середины XVIII — начала XIX вв. // X Золотаревские чтения. Материалы научной конференции. 19–20 октября 2004 г. Рыбинск, 2004. С. 133–136; *Его же*. Основные закономерности в развитии каменной архитектуры Ростова и его окрестностей с середины XVIII до середины XIX в. // ИКРЗ. 2004. Ростов, 2005. С. 333–339; *Его же*. Иконостасы конца XVII–XIX веков в храмах Ростова Великого // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2009. № 3 (56). С. 131–143; *Его же*. Новые данные о монументальных росписях церквей Ростова и Ростовского уезда в XIX веке // XIII Золотаревские чтения. Материалы научной конференции. Рыбинск, 2010. Т. 1. С. 207–216; *Его же*. Храмовые иконостасы конца XVII — XIX века Ростова Великого: Каталог. СПб., 2012; *Его же*. Новые данные о каменном строительстве в Ростове и Ростовском уезде XIX в. // ИКРЗ. 2012. Ростов, 2013. С. 268–286.

²⁷ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 54–55.

15 января 1804 г. ростовский помещик прапорщик Лев Петров Савин и крестьянин деревни Братошина Ярославского уезда (вотчина князя Григория Алексеевича Щербатова) Афанасий Иванов Катышев заключили контракт о строительстве Катышевым с его работниками в селе Иванкове что на Лиге, приходе упомянутого Савина, на отведенном прихожанами месте каменную церковь по плану и фасаду. Храм предполагалось строить из материалов заказчика. После возведения здания подрядчик должен был снаружи храм отштукатурить, проведя в нужных местах карнизы и пр. Сроки строительства определены не были: «как пошлет Бог». То есть приход и помещик достаточными средствами для возведения церкви не располагали. Все условия в контракте подробно расписаны по пунктам, от рытья канав под фундаменты, спуска и укладки в них камня с песком и т.д. Стоимость строительства определили в 1500 рублей. Оплата предусматривалась частями, по мере возведения стен²⁸.

14 мая 1803 г. священник Иван Иванов села Кондакова Угличской округи с причетниками и церковными старостами села Кондакова Федотом Федотовым, деревень Новоселка Иваном Иудиным и Федором Федоровым, Казаринова Алексеем Ивановым и Ларионом Лукьяновым и всеми приходскими людьми заключили договор с московским 3-й гильдии купцом Григорием Васильевым Машеровым вызолотить иконостас во вновь построенной в Кондакове каменной церкви червонным золотом на полимент по предоставленной им пробе. Документ подробно описывает, какие детали иконостаса надлежало золотить, как клиросы красить масляной краской и пр. За работу мастер получал от заказчиков 2500 рублей. Если работа Машерова оказывалась «в сходстве» с предоставленной им пробой, ему выплачивалось дополнительное вознаграждение — 50 рублей. Квартира и дрова для ее отопления предоставлялись мастеру за счет заказчика²⁹.

В сентябре 1803 г. ростовский посадский Дмитрий Михайлов Гладков заключил контракт с прапорщиком Петром Ивановичем Зориным из села Неверкова, чтобы написать иконы «живописной работы» в храм упомянутого села. В качестве примера в тексте указана сделанная ранее Гладковым работа — образ сошествия Святого Духа. Всего мастеру нужно было написать 31 икону. Отдельно указаны для написания за престольный крест и икона Богородицы. Кроме того Гладков обязался вызолотить иконостас, карниз и резьбу двойником на полимент, а основу иконостаса сделать лакированной, под масляный лак. За работу мастер получал от заказчиков 800 рублей и 5 четвертей хлеба. Сроки работ расписаны по этапам: в «иконную работу» вступить с сентября 1803 г., а в «золотарную» — с 5 мая 1804 г. Окончание предполагалось в том же 1804 г. Плата по контракту также предполагалась частями. По завершении живописной работы Гладков получал задаток в 100 рублей. При

---

²⁸ Там же. Л. 97–98.

²⁹ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 77 об.—78 об.

написании нижнего пояса икон — еще 100 рублей. Затем — по рядам икон — по 100 рублей. За счет заказчиков решался для мастера и вопрос с квартирой и дровами³⁰.

В маклерской книге Ростова 1812 г. отложился контракт на устройство курантов в селе Вошажникове. Его заключили 26 апреля мещанин города Алексина Иван Дмитриев Савостин и села Вошажникова приказчик Федор Нестеров Карешенков, крестьяне Андрей Алексеев Смирнов, Григорий Васильев Жуков, со всем крестьянским обществом.

За создание курантов мастер Иван Савостин договорился получить с заказчиков — приказчика и крестьян, сумму в 2000 рублей. В тексте упомянуто село Поречье-Рыбное. Такая крупная сумма непременно выплачивалась мастеру, но через год, как доказательство, что куранты он создаст лучше, «с превосходством», сделанных на высокой никитской колокольне Поречья³¹. В течение упомянутого года все повреждения часового механизма мастер должен был исправлять за свой счет. При заключении контракта Иван Савостин получил от заказчиков в задаток 700 рублей, в получении которых он расписался на обороте документа. Последующие денежные выплаты мастеру полагались в процессе его деятельности. С момента начала работ над курантами Савостин с его рабочими получал за счет заказчиков приличную квартиру и дрова для ее отопления, а также пустой амбар для кузнечных дел³².

Борисоглебские зажиточные крестьяне нередко упомянуты в брачных контрактах представителей других сословий, мещан и купцов. Так, 19 октября 1803 г. ростовский купец Сергей Сергеев Мяхков сопроводил заключение брака своей племянницы Лукерьи Алексеевой Колесниковой с ростовским посадским Иваном Григорьевым Хлебниковым («Терентьев тож») договором. В нем были перечислены условия, на которых Хлебников принимался в дом и получал долю имущества Мяхкова. В тексте документа отмечается, что племянница — дочь крестьянина Борисоглебских слобод Алексея Степанова Колесникова — жила в доме Мяхкова после смерти своей матери, его родной сестры Марфы Сергеевой. Вместе с зятем в дом принимали и его родную мать, вдову Анну Андрееву Хлебникову: «...жить и быть при сыне как в собственном своем доме, почитать ея ему и моей племяннице матерью, родительницей и слушаться». При составлении подобных документов — брачных контрактов завещаний, — нередко присутствовали священнослужители. Под текстом этого документа стоит подпись священника церкви святого праведного Лазаря «града Ростова» Михаила

³⁰ Там же. Л. 91 об.—92.

³¹ Морозов А. Г. Куранты села Поречья-Рыбного Ростовского уезда // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2013. С. 70–73.

³² РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3718. Л. 70 об.—71. См. также в настоящем издании: Морозов А. Г. Контракт мастера Ивана Савостина на изготовление курантов в селе Вошажниково 1812 г. // СРМ. Ростов, 2020. Вып. 25. С. 121–124.

Леонтьева, который «вместо своего духовного сына — ростовского купца Сергея Сергеева Мяхкова, по его прошению, руку приложил». 10 ноября того же года стороны представили рассмотренный контракт для записи в маклерскую книгу. Подлинный договор затем оставил себе на хранение зять — ростовский посадский Иван Григорьев Хлебников³³.

Таким образом, рассмотренные договоры и контракты, связанные с крестьянами Борисоглебских слобод и округи, весьма разнообразны и конкретны по своему содержанию, точно датированы, содержат данные по торговле, промыслам и ростовщичеству, аренде лавок, различных угодий и рабочей силы, строительству и украшению храмов, брачно-семейных отношений и пр. Стороны, подписавшие их, охарактеризованы в текстах документов с указанием губернии и уезда, села и деревни, сословия, звания или должности. Предмет договора всегда привязан к определенному месту и людям. Конкретизированы материальная, финансовая или денежная составляющие по взаимным обязательствам. Договоры и контракты маклерских книг города Ростова — важный источник по истории Борисоглебской земли и ее жителей, изучение которого будет продолжено.

---

³³ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 71 об.—72. См. также: *Морозов А. Г.* Брачные контракты, росписи приданого в маклерских книгах Ростова конца XVIII — середины XIX в. // ИКРЗ. 2019. Ростов, 2020. С. 188—189.